

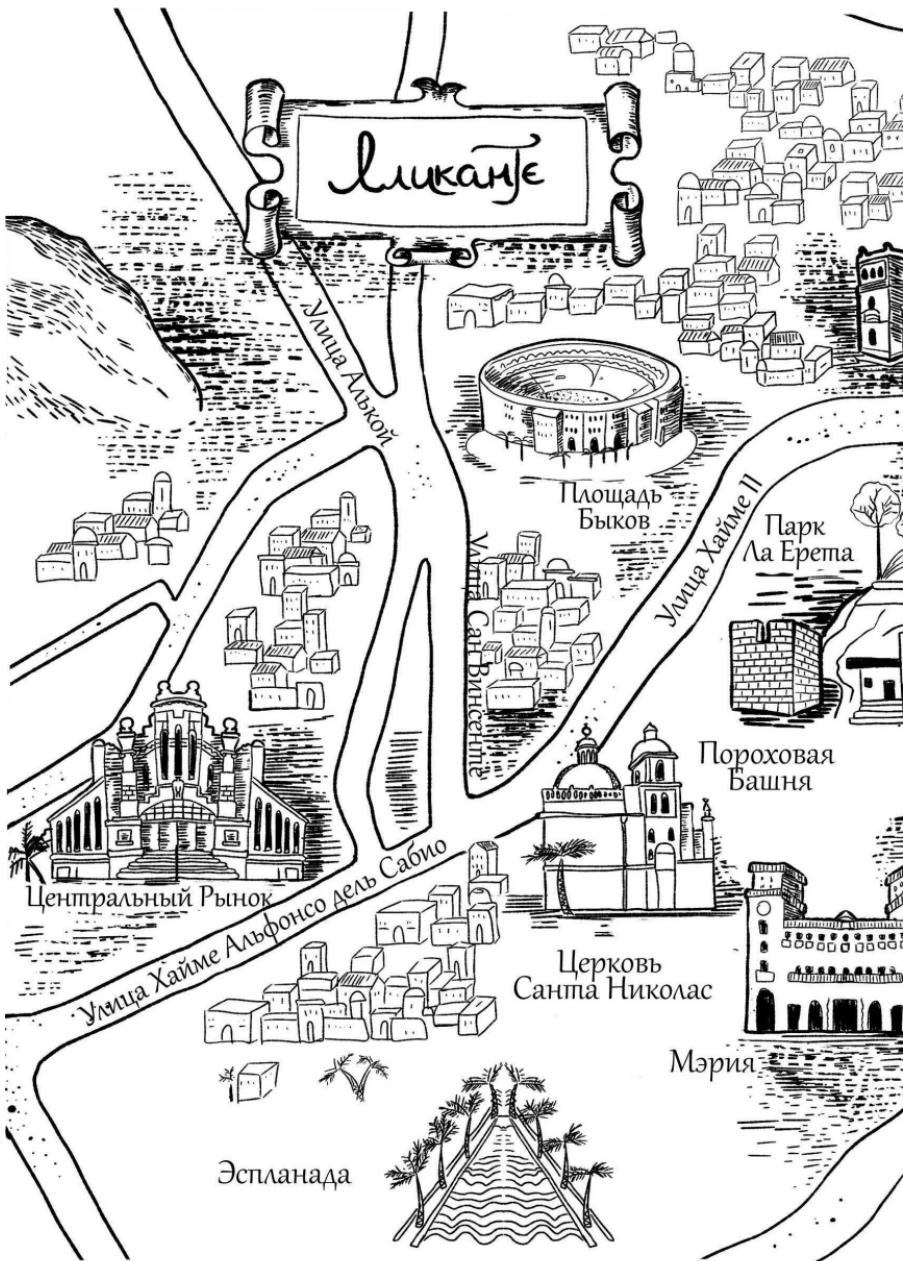
Год назад, когда время если не остановилось, то вело себя, как ему вздумается, возник «Каструм Альбум»: книга книг для тех, кто захочет узнать Аликанте, сборник связанных между собой притч о проклятых душах, гимн любви, дань истории... Эта книга позволит вам многое — как угодно, так и трактуйте ее; хоть читайте с любого места. Не пытайтесь осилить с наскоха: существующий по подобию эпоса, пусть мистического и изложенного современным живым языком, текст потребует времени. Эта книга откроется тем, кто неспешно ее распробует — по глоткам, как прекрасное аликантино.

Простота героев обманчива. Это те, кто свободен говорить то, что думает, и желать, невзирая на опасность момента. Кто готов рисковать, делать шаг навстречу желанию — и терять. В свою очередь, и простота изложения — будто смотришь, завороженный, представление одного из уличных театров Испании, — позволяет тебе самому стать участником происходящего и задаться вопросом о том, что такое судьба и время.

«Каструм Альбум», говоря языком одного из героев романа, разработавшего нетривиальнейшую систему оценки, «явно тянет на «Е».

Дина Николаева

Миканъе

Бульвар дель Пла

Археологический музей

Замок
Санта-Барбара

Канаречная дверь
рядом со школой Сан Роке

Базилика
Санта Мария

Пляж Постигет

Сьерра Гросса

Средиземное
море

Пролог

— Хаким, позво-о-оль спросить... — медленно растягивая слова сказал высокий крепкий мужчина.

— Арес, — в таком же тоне ответил Хаким, — по-пробуй.

— Как думаешь, может ли просто человек спасти то, что создано не им? — Арес усмехнулся уголком губ.

— А с чего ты взял, что мир создан не по моей воле? — уже откровенно забавлялся Хаким. Пожилой полноватый мужчина с густой окладистой бородой стоял за барной стойкой, высоко подняв руки и пристально глядя на незваного гостя.

— Хаким, Хаким, ты даже с дулом у виска продолжашь шутить свои несмешные шутки.

Арес действительно сейчас был зол как никогда и даже не пытался скрыть это:

— Отдай мне его сейчас, или всё закончится раньше, чем ты пропротрезвеешь.

— Ты кажешься умным, но так и не понял, что я сам не знаю, где он, — ответил Хаким, стараясь сохранять спокойствие. — Чего ты хочешь прямо сейчас: найти его или убить меня посреди белого дня? Давай поговорим спокойно, я налью тебе самого лучшего вина из личного погреба. И если захочешь, расскажу, с чего всё началось.

Хаким, заметив сомнение в лице Ареса, потихоньку опустил руки и достал на ощупь первую попавшуюся бутылку из-под стойки бара. Не глядя, плеснул густую, смолянистую жидкость в стакан и тихо добавил:

— Человечество подвергается опасности намного чаще, чем пишут в газетах.

— Ладно, я выпью с тобой, а вместо слов — немногого помолчим.

Слегка успокоившись, Хаким незаметно вздохнул и вытер рукавом рубашки пот со лба, а его грозный собеседник убрал пистолет в кобуру.

— Можно и помолчать, — согласился Хаким.

Они выпили не чокаясь. В тишине бара мерно отступивали утекающее время старые часы, поблескивали бока разношерстных бутылок на полках. Гость стукнул стаканом о стойку и резко встал:

— Я еще вернусь. Пока действительно не вижу смысла здесь всё испачкать твоей старой кровью.

Он вышел, хлопнув дверью со всей силы, но никакого звука не последовало. В этом месте дверь не позволит с собою так обращаться случайному хаму — она сама решает, когда подать голос.

— Хорошего дня, — насмешливо донеслось вслед ушедшему.

Хаким снова вздохнул и прикрыл глаза.

— М-да-а... Как выясняется, человечество подвергается опасности гораздо чаще, чем об этом вообще кто-либо знает, — продолжил он разговор уже сам с собой. — В своем далеком прошлом оно задумывалось об этом с детской непосредственностью, придумывая кару богов или потопы. Сейчас каждый на планете уверен в существовании армии зомби и супервирусов, верит в летящие к центру Земли астероиды и во вторжение рептилоидов. Мы просто живем с этими воображаемыми угрозами, изредка жалея динозавров. На самом деле

ткань бытия крепка, хоть и тонка. Ее связующая нить совсем незаметна. Порою, чтобы спасти человечество, достаточно лишь крошечного, никому не заметного события.

Закончив философские размышления, он принял-ся за обычную рутинную работу хозяина маленького бара, но уже не мог остановить поток нахлынувших воспоминаний.

Часть I

Глава 1 Начало

231 год до н.э.

1

— Хаким! Хаким! — звонкий голосок разрушил умиротворение утра.

Не по годам высокая белокожая девчонка неуклюже неслась к нему по кромке моря. Этот рассветный час — любимый из всех, потому что нет звуков в мире, есть только шорохи, слабые намеки на то, что случится в наступающий день. «Когда только успевают вырасти эти пухлощекие дети, превращаясь в нескладных недорослей с неуемными желаниями и скверными характерами», — думал Хаким, глядя на надвигающееся торнадо по имени Пилар.

* * *

Странным образом появилась эта девчушка в их местах.

Город света, Лусентум, раскинулся на ранее пустынном иберийском холме Тоссаль-де-Манисес, демонстрируя себя со всех сторон жителям белого берега. Владычество римлян коснулось всего Пиренейского полуострова. Рим ни в чём не отказывал своим гражданам. Иберийская резиденция была отстроена на совесть. Прочная крепостная стена и обширные термы служили прибывшим римлянам на белом берегу уже

второе столетие. Высокие античные колонны обрамляли центральную площадь, увенчанную бронзовой статуей императора Александра Севера Марка Аврелия высотою в восемнадцать локтей. Чистая вода с гор неслась по сложной системе акведуков.

2

В один из тихих дней, когда ветер почти не беспокоит паруса, на веслах в бухту Альбуфереты вошел корабль, в трюмах которого находился живой товар. На берег сошли измученные долгим путешествием люди, и среди них была испуганная белокожая девочка с необычными для черноволосых смуглых спутников светлыми волосами. Практически сразу всех рабов распределили по зажиточным домам. Публичные торги, принятые в крупных портах того времени, здесь, как правило, не проводились.

Хаким встретил Пилар случайно, когда она плелась за толпой женщин, идущих вдоль берега с тяжелыми корзинами для сбора моллюсков. Она уже успела выучить несколько разговорных фраз. В это тихое утро девочка помогала выискивать среди песка и камней ракушки, но было видно, что уже изрядно устала. Отстав на приличное расстояние, уселась прямо на песок, низко опустив голову. Хаким подошел к ней поближе в надежде утешить, но увидел, что девочка не плачет, а просто сидя спит.

Он опустился рядом и долго смотрел за горизонт, позволяя мыслям течь, как им вздумается.

Он любил говорить сам с собой. Странная привычка, но для него неискоренимая.

— А почему на волнах белые пушистики? — раздался голос, звонкий, как чоканье двух хрустальных бокалов на королевской свадьбе.

— Когда дует ветер, волны наряжаются в белые кружева.

— А зачем?

— Чтобы ветер выбрал самую достойную из них и превратил в богиню, — ответил Хаким, с интересом разглядывая лицо Пилар. Она не умела скрывать эмоции, и вся гамма охватывающих ее чувств сразу отражалась на милой мордашке.

— Любая волна может стать богиней? — не унималась девочка, продолжая дотошно расспрашивать Хакима.

— Думаю, что да, но не всякая об этом мечтает.

— Так чтобы стать богиней, надо об этом мечтать? — настойчиво продолжала задавать вопросы Пилар.

— Без мечты не стоит и начинать ни одного доброго дела, — со вздохом уставшего учителя ответил Хаким.

Так началась их незамысловатая дружба.

Они нечасто виделись, но, взрослея, Пилар всегда ставила своими вопросами Хакима в тупик. Ему нравилось размышлять над услышанным и придумывать самые невероятные объяснения простым вещам.

Она росла, выполняя простую работу по дому, изредка убегая из-под присмотра к морю. Хаким казался ей старым деревом, к которому можно прислониться, чтобы перевести дух. Так бывает, что детям даже очень молодые мужчины кажутся старыми.

Первый раз, когда карфагенские корабли причалили к берегу, никто толком не понял, что произошло. Коренные жители, иберы, вели трудную и простую жизнь, промышляя рыбной ловлей. Прошло немного времени, и стало понятно, что уклад их жизни никогда не будет прежним.

Первая стычка финикийцев с римлянами почти не повредила Лусентуму. Однако часть римских семей сразу же спешно отплыли.

Через несколько лет финикийцы уже прочно закрепились на белом берегу и недалеко от высокой горы Бенакан. Выбив из небольших римских укреплений слабо сопротивлявшихся воинов, они начали строительство более мощных стен. Сложно сказать, когда возникло название Акра Лейке, но оно прочно закрепилось и было у всех на слуху. Говорят, его придумали греки — так назывался Лусентум задолго до его появления. Кто знает, ведь греки всегда слыли самым болтливым народом на свете. Дословно название значило «Белый мыс». Хаким был уверен, что имя это пришло с финикийцами, а сами римляне, подчеркивая ненависть к врагу, предпочитали называть город Каструм Альбум, что на латыни означает «Белый замок».

Затишье после Первой Пунической войны подходило к концу, когда в жизни Пилар произошло потрясение. Она влюбилась. Может ли рабыня позволить себе такое чувство?

Высокий, статный сын римских патрициев Лука тревожил сердце Пилар. Она робко бросала на него любопытствующие взгляды и глупо хихикала, если он появлялся рядом. Сложно прятать огонь в бумажном мешке. Судьба сама решает, когда проверить твои чувства.

Он ее и не заметил бы никогда в жизни, если бы не ночное нападение финикийцев на Лусентум.

Хаким не смог, как обычно, выбрать немного времени утром для ничего неделания у моря и пришел на закате. Далеко на горизонте показались темные, бо-

лее тяжеловесные, чем у римлян, карфагенские корабли. Мрачным театром теней они шли вдоль берега, озаренные кровавыми отблесками заходящего солнца.

— Гамилькар Барка уже здесь, — вполголоса сказал Хаким сам себе и продолжил: — Что везешь с собой на этот раз? Сыпал, что в своей ненависти к Риму ты ни простых, ни знатных людей не щадишь, ни себя самого.

— Он злой человек? — едва слышно спросила подошедшая сзади Пилар.

— Как сказать... Может, и злой. Но великий. Вот смотри, он же Риму денег должен. Так вот, обеспокоенные его боевыми успехами отправили к нему недавно свое посольство. Выслушав претензии, карфагенянин спокойно, но не без иронии, разъяснил, что его завоевания на Пиренейском полуострове необходимы Карфагену — чтобы уплатить контрибуцию ему же, могущественному Риму: простите, делаю что могу. Стратег, но для твоих хозяев — палач...

— Будет война? — почти шепотом спросила Пилар.

— Она всегда идет, — со вздохом ответил Хаким.

— Жалко, что идет. Значит, время не для любви.

Хаким усмехнулся:

— Что знаешь о любви, дитя?

— Только то, что теперь воздух пахнетnectаром, и дышится так, как будто пьянеешь от каждого вдоха.

— Это не любовь, это призрак, призванный твоей молодостью, — печально сказал Хаким.

— Ты противный! — рассердилась Пилар и побежала в сторону дома.

— Скажи хозяевам, чтобы не дожидались беды. Пусть уходят! — крикнул вслед Хаким.

Пилар только тряхнула золотыми локонами, выбившимися из-под платка, и, прибавив шагу, скрылась.
Он смотрел ей вслед, затем вновь повернулся к морю.

Где та земля, что воспета Гомером?
Сожжена будешь или богами сохранна?
Ведь не теснят океан никакие тверди оковы,
И в беспредельность лиясь, чистоту свою
она сохраняет.

* * *

«Тоже мне, всезнайка, — ворчала про себя Пилар. — Сам-то кто? Живет не пойми как и не пойми зачем». Убрав шаг, шумно вздохнула. Ей точно опять влетит от хозяйки, если та застукает, что Пилар отлучалась из дома в такое время.

Послышались гортанные крики, и стук копыт обрушился холодным ливнем, напугав ее. Оглянувшись, она увидела, что у городских ворот поднимается пыль, становящаяся горяче-оранжевой от взметнувшегося ввысь пламени.

5

Пилар со всех ног бросилась к дому. Подумала, что надо предупредить. «Ну почему этот зануда опять был прав!» Не добежав до ворот, споткнулась и, сделав по инерции несколько неловких шагов вперед, упала на колени. Шум приближающихся всадников почти настиг Пилар. В этот самый момент сильная рука, подхватив девочку под живот, резко и больно дернула ее в сторону.

Спустя несколько секунд, когда стук копыт стих вдали, Пилар позволила себе приоткрыть глаза и встретилась взглядом с глазами цвета серых вихрей наступающего шторма. Так близко она еще не видела лицо Луки.

Ей было непонятно выражение его лица. Подумалось, что, кажется, он сердится.

— Где ты была?

— Я ходила к морю, — судорожно выдохнула она.

— Не уверен, что у тебя на это было разрешение.

Опустив голову, Пилар ничего не ответила.

— Ты или очень глупая, или очень везучая, — продолжил Лука. — В любом случае домой нам вернуться уже не суждено.

— Мне страшно. Что теперь будет? — спросила она внезапно пересохшими губами.

Луке стало жаль перепуганную пташку, светлой тенью вечно бродящую за ним по двору. Неуклюжую и милую. От нее шел детский сладкий запах, настолько вкусный, что захотелось откусить кусочек.

— Хорошо, иди за мной. Попробуем пробраться к нашим кораблям. Может, получится выйти в море. Здесь мы не скроемся.

Она согласно кивнула и аккуратно взялась за краешек плаща Луки. Тут же отдернув руку, испуганно спросила:

— Ты ранен?

— Кровь не моя. Пришлось прикончить парочку карфагенов, пока выбирался из дома.

Сложно сказать, почему в такой роковой час Пилар поймала себя на мысли, что именно сейчас она счастлива быть рядом с предметом своего обожания, слышать его уверенные шаги.

Сбоку послышался странный звук. Инстинктивно Лука закрыл собой Пилар. Из-за поворота к ним направлялся коренастый воин с мощным торсом. В руке его поблескивал короткий меч, а дыхание было тяжелым после недавней битвы. Оттолкнув девушку к стене вдоль улицы, Лука кинулся вперед.

Конечно, он был обучен искусству боя, но в реальной схватке в силу молодости участвовал впервые. Он

не почувствовал горячности или восторга, страха или еще чего-нибудь, что, возможно, люди чувствуют, когда противник явно сильнее и опытнее. Скорее всего, явное превосходство в росте и длине меча не поможет ему. Финикиец одним молниеносным броском сделал выпад в сторону Луки и прижал его к противоположной стене, приставив лезвие к горлу. Лука застыл, понимая, что проиграл. В полном помутнении Пилар бросилась на спину финикийцу, обхватив рукой его шею, инстинктивно схватившись за ворот. Он отбросил девушку в сторону одним легким движением, словно перышко, одновременно вонзая меч Луке в плечо. Раздался громкий звук лопнувшей струны. Неожиданно враг застыл соляным столбом, бешено вращая глазами. Пилар, с силой ударившись о камни, покатилась и застыла на секунду, потеряв сознание. Очнувшись, приподнялась на локте, думая, что кричит, но беззвучно повторяя:

— Нет, пожалуйста, нет, не его...

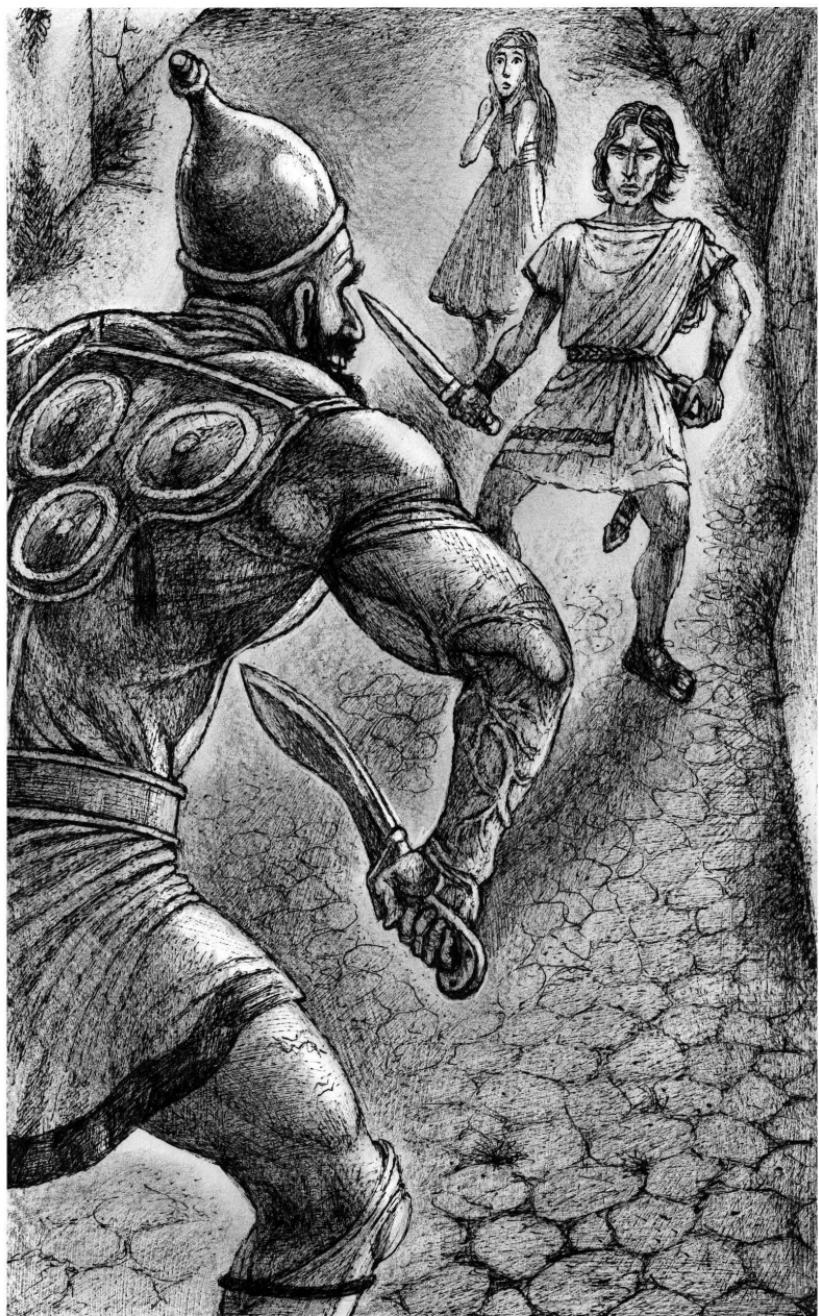
Лука, воспользовавшись секундным замешательством противника, коротким выпадом вонзил меч в бок финикийца.

Сказать по правде, он почувствовал омерзение, когда меч легко вошел в тело воина, поддев его грудные щитки, как панцирь у краба. Лука посмотрел в глаза противнику, тот, упав на колени, грязно выругался и с проклятием на устах затих.

Пилар вырвало. Ее била мелкая дрожь, и уже не было даже в помине мыслей о любовных глупостях. Настало время густого сумрака, липкого страха и неизвестности.

Теперь эти двое увидели друг друга иначе. Лука взял из ослабших рук умирающего оружие и отдал Пилар.

— Неважно, что никогда не брала меч в руки, просто держи его перед собой, когда понадобится. — Одобрительно кивнув головой, добавил: — Двумя руками держи. Крепко.

Внезапно воин из последних сил привстал, схватив Луку за ногу и с булькающим, выворачивающим внутренности наизнанку звуком прошипел:

— Я свободен — он твой.

С этими словами воин испустил дух.

Пилар с отвращением отбросила меч. С гулким стуком он ударился о землю и затих, как и его хозяин. В небе раздался раскатистый удар грома, первые тяжелые капли с ледяным звуком застучали по земле. Начался ливень.

6

Шагнув к девушке, Лука, поддавшись эмоциям, притянул ее за плечи к себе, обнял и скорее клюнул губами в темечко, чем поцеловал.

— Идем.

Оттолкнув было Луку, Пилар, словно опомнившись, схватилась рукой за его ворот, повлекла обратно к себе, обняла в ответ, задев рану на плече. Лука издал глубокий стон наполовину с рыком.

— Ладно, — тяжело дыша, сказал юноша, — давай выбираться.

— Ты ранен? Дай посмотрю.

— Потом, нет времени, рана не опасная.

— Почему ты так думаешь?

Вместо ответа Лука с раздражением толкнул ее в спину, заставляя идти впереди себя.

— Найдем Хакима? Он всегда знает, что делать, — сказала Пилар.

— Это кто?

— Это мой... друг. Я его с детства знаю. Он сразу сказал, что беда будет.

— Некогда его искать, сейчас всё вверх ногами, пойдем уже.

Они двинулись, стараясь не выходить на освещенные

луной участки дороги. Такой знакомый город, где каждый выступ, каждая дверь были узнаваемы на ощупь, оказался в эту ночь тельцом на заклании.

Между тем дождь, пролившись бешеным потоком, так же внезапно стих, как и начался.

До моря оставалось совсем немного, когда стало понятно, что римские корабли сожжены. Спасение морем теперь невозможно. Ведомые лишь чутьем, они двинулись в сторону гор, подальше от пожаров и стонов раненых, понимая, что без воды — это путь в никуда.

Впереди Лусентум ждало падение, запустение и полное забвение. В эту роковую ночь в попытке надышаться перед смертью двое разных людей позволили себе думать об утерянном времени, о любви и о том, чего не произойдет уже никогда.

Пройдя большую часть пути, Пилар в изнеможении опустилась на плоский камень. Понимая, что она не сделает ни шагу, Лука сел рядом на землю. Девушка низко опустила голову. Спутник, решив, что она плачет, сделал шаг в ее сторону в попытке хоть как-то утешить, как услышал тихий голос:

— Оставь ее, она спит. С детства так делает, когда совсем измотана.

— Вы кто? — удивленно спросил Лука.

— Хаким.

— Она хотела искать вас, но я не понимаю, как вы...

Хаким, сняв свой темный плащ, накинул его на спящую:

— В темноте ночи ее белое платье лучше, чем любая мишень, я вас за тысячу локтей увидел. И куда вы направились?

— Мы просто выбрались из города и пока не понимаем, как быть дальше.

— Лука... — Хаким подбирал нужные слова. — Твоя семья...

— Все?

— Рабов увели, а остальные... прости...

Лука отвернулся и замер. Хаким молча опустил ему руку на плечо.

— Аж-ж-ж, — скривился Лука от боли.

— Ты ранен?

— Царапина, не страшно.

— И из-за укола пальца умирали цари, — сказал Хаким не терпящим возражений тоном и, помогая Луке освободиться от плаща, добавил: — Послушай. Сейчас тяжело. Но оплакать свою семью ты сможешь позже, есть задача поважнее: выжить.

— Вы поможете нам? — спросил Лука Хакима.

— Нам?

— А что не так? — с вызовом ответил юноша вопросом на вопрос.

— Она просто рабыня, — внимательно изучая лицо Луки, немного надменно сказал Хаким.

— Она сказала, что вы ее друг.

— Это так. Но для тебя она была всегда всего лишь рабыней. — Хаким усмехнулся лишь уголком губ.

Почти беззвучно Лука прошептал:

— Теперь это не так.

— Если это правда, то я помогу, если нет — я помогу тебе добраться до более или менее безопасного места, а ее заберу с собой.

— Это моя рабыня. И она пойдет со мной, — с наじимом прошипел Лука.

— В этом и дело: я хочу использовать сегодняшнюю ночь, чтобы дать ей больше, чем любовь.

— Что может быть больше любви?

— Свобода.

Когда рана была затянута куском рубашки Хакима, Пилар пошевелилась и с тихим стоном потянулась. Приоткрыв глаза и медленно просыпаясь, оглянулась вокруг,

непонимающе уставилась на Хакима. Наконец очнулась и бросилась к другу на грудь.

— Всё правда, всё, как ты сказал, беда... беда...

Хаким, успокаивая ее легким похлопыванием по плечу, словно маленькое дитя, повторял:

— Тише, тише, всё наладится.

— Ты нашел нас. Как? Я не понимаю. Что нам делать?

— Мы отведем Луку в безопасное место.

— А я? — Пилар начала беспокоиться.

— А ты пойдешь со мной, хорошо?

Внезапно Пилар почувствовала сильную боль в груди, будто крепкий кулак сжал ее маленькое сердечко и сейчас раздавит. Она пыталась сделать вдох, но лишь смотрела полными ужаса и боли глазами на мужчин.

— Кажется, я не могу, — выдавила она из себя.

— Как это?

— Не знаю.

Ей стало немного легче, и с вернувшейся способностью дышать Пилар произнесла:

— Я чувствую, что должна пойти с ним. Иначе мое сердце остановится.

— Что за глупости? Ты можешь получить свободу.

В повисшей неловкой тишине было слышно, как стучат два сердца в унисон, а третье пропустило удар.

— Прости... Хаким. Я и правда не могу.

— Позже с этим разберемся, чертовщина какая-то.

Уходим, — мрачно скомандовал Хаким.

Пилар вскрикнула. Ее руку пронзила обжигающая боль, как от вонзающегося раскаленного железного прута. Она раскрыла ладонь и с удивлением уставилась на маленький амулет на кожаном ремешке. В пылу боя она даже не заметила, как сорвала его с шеи финикийца, всё это время сжимая в руке.

— А вот это уже интересно, — сказал Хаким.

— Ты знаешь, что это? — ошарашенно спросила Пилар.

— Выкинь и никогда не связывайся с такими вещицами.

— Я, кажется, слышала о таком. Это амулет, защитный.

— Так вот почему тот воин застыл как вкопанный, когда ты его сорвала, — Лука с интересом рассматривал амулет.

Крошечная керамическая голова бородатого мужчины с выпученными, как у рыбы, глазами. Пронизывающий, пугающий взгляд никак не вязался с тем, что лицо на амулете улыбалось широкой улыбкой.

— Миленький. Ничего не скажешь, — попыталась пошутить Пилар.

— Выкинь его, пока его магия спит. Плохо будет! — угрожающе потребовал Хаким.

— Выкину, — лукаво ответила девушка — К морю выберемся, и выкину. Прямо в море брошу, сам увидишь.

Хаким лишь устало закатил глаза.

Они двинулись на север, в сторону темных гор. Через некоторое время Хаким, в свойственной ему манере разговора с самим собой, произнес:

— И когда только успели... Мы не виделись пару часов. Как так-то? Прямо магия в глазах! Погляди на нее: рабство готова терпеть, любит она. Амулет ведьмин пригрела. С ума сойти! Глупые дети, мне оно надо?

Лука прыснула. Ему показалось смешным в сложившейся ситуации слушать ворчание.

— Смешно ему, — продолжил Хаким. — А девица пропадет ни за что ни про что.

— Послушайте, Хаким. — Лука остановился, развернувшись лицом к спутникам. — Она единственная, кто помнит матушку и сестер, кто был со мной в нашем доме с самого детства, с кем я могу разделить свою утрату. Я позабочусь о ней.

— Допустим, но она твердит о любви... И уже давно. С этим что будешь делать?

Лука сделал шаг к Пилар и, робко взяв за подбородок, посмотрел в ее глаза.

— Понимаете, Хаким, чтобы прозвучал хлопок, нужны обе ладони.

— Хлопок? Я не слышал никакого хлопка.

Пилар, отведя руку Луки, медленно повернула голову и, глядя Хакиму в глаза, твердо сказала:

— Я слышала.

— Плохо будет, — сделал вывод Хаким и кивком головы предложил продолжить путь. Впрочем, долго идти не получилось.

7

На подходе к морю южнее Лусентума, у подножья Сьерра-Гроссы¹, стало ясно, что берег полностью занят лагерем финикайцев, и не то чтобы не пройти — птице не пролететь. Тогда у Хакима родился авантюрный план. Он предложил пробраться к нему домой, в деревню, что расположилась еще дальше на юг, у подножия Бенакана. Если получится, то можно перевести дух, взять запас воды и еды и подумать, куда двигаться дальше.

Окончательно истоптав сандалии и сбив ноги в кровь, они полуползком добрались до восточного склона Бенакана к вечеру следующего дня. Деревня встретила настораживающей тишиной и запахом гари.

Медленно гуськом шли, прижимаясь к стенам домов. В тот момент, когда взгляд Пилар наткнулся на насаженную на торчащий из земли кол распухшую голову молодой

¹ La Sierra Grossa o Sierra de San Julián — это скалистое возведение высотой 161 м, расположенное в испанском муниципалитете Аликанте, с видом на Средиземное море. Сьерра состоит из двух холмов, западный и маленький из которых известен как Сьерра-де-Санта-Ана, или Дель-Молинет, где существовал Эрмитаж, посвященный Санта-Ана, разрушенный в 1823 году и останки которого всё еще можно лицезреть.

женщины со спутанными волосами, прилипшими к раздущему, источавшему зловоние, лицу, девушка почувствовала, что Лука прикрыл ей рот рукой, произнеся одними губами:

— Тише.

Согласно кивнув, она закрыла глаза.

Далее вдоль улицы там и тут виднелись растерзанные тела жителей. Хаким молча продолжал идти, стараясь не смотреть в знакомые лица, глаза которых уже стали трапезой стервятников. Он долго наблюдал за черными пропащими окон своего дома, затем жестом пригласил войти.

Внутри спертый воздух пах гарью и скисшим молоком. Внезапно Хаким припал к полу. Тихий звук насторожил его. Выставив впереди себя мечи, они с Лукой многозначительно переглянулись и, сделав выпад, приставили оружие к горлу непрошеных гостей. Однако и сами почувствовали у шеи холод стали. Глаза постепенно привыкли к темноте.

Сидящие в засаде и Хаким вскрикнули:

— Лука!

— Антоний!

— Максимус!

— Что вы все, разрази вас Зевс, делаете в моем доме?! — присоединился Хаким.

— Скоро нам подадут знак. В море остался один корабль, он сейчас дрейфует дальше от берега.

— Вы единственные, кто выжил?

— Лука... соболезнуем твоей утрате.

Было видно, что мужчинам крепко досталось. Осунувшиеся лица, рваная одежда, испачканная в крови, еле держалась на их телах.

— Я Хаким, хозяин этого дома.

— Твой погреб впечатляет.

Хаким молча кивнул, затем добавил:

— Можете взять вина и риса столько, сколько унесете, — в море без воды и провизии делать нечего. Сици-

лия не так далеко, сезон сейчас тихий, доплынете быстро. У меня одно условие: эту девушку...

Лука перебил Хакима:

— Это моя невеста, свободная гражданка Римской республики, поедет с нами.

Многозначительно переглянувшись, все согласно кивнули.

Пилар всё это время смотрела в маленькое оконце у входа.

— Я вижу звезду.

— О, это знак, — оживились мужчины. — Солнце садится, с корабля зеркалом ловят его уходящий свет и посылают нам знак. Два коротких отблеска, один длинный. Мы можем двигаться.

— Я провожу, — сказал Хаким.

— Нет, брат, прости, с лишним человеком мы будем заметнее.

Хаким согласился.

— Девочка, оставь игрушку, злая магия в ней, я сам разберусь, — настойчиво потребовал Хаким, опасаясь, что Пилар не сдержит слово и оставит амулет у себя. Такая вещь способна влиять на своего владельца.

— Нет, в море кину, как обещала.

— Оставь!

Она вышла вслед за мужчинами и с силой кинула амулет на землю.

Они двигались как в тумане, Пилар еле держалась на ногах, а у Луки начинался жар.

Собрав все силы для последнего рывка, они обняли Хакима, взяли, что смогли, и двинулись к морю.

Легкий ветер усиливался, тревожным казался шум волн в тиши этого вечера.

Вот и лодка, провожатый приветственно машет рукой. Отплыв от берега не более двух локтей, они услышали гиканье и свист стрел.

Налегли на весла. Лука, превозмогая боль, греб как мог, даже Пилар неловко отталкивала воду руками: быстрее, быстрее, быстрее! Обернувшись, увидела, что несколько финикийских лодок вышли в море. Погоня.

Эти две минуты, что они плыли до корабля, показались не вечностью, а праматерью ее.

Вот и веревочная лестница. Как же сильно грубая веревка обдирает ладони... Лука первым полез, заливаясь кровью из открывшейся раны. Пилар следом, трясясь от страха.

Вот уже Лука, перелезши через борт, вытянул за собой Пилар, прижал ее впервые по-настоящему, не стесняясь самого себя, к груди. Горячим обжег глубокий поцелуй.

Это был особенный свист самой длинной, самой острой и коварной стрелы на свете. Она вошла в спину и поразила сердце, самое сердце.

Девушка обмякла в руках Луки и, даже не сделав прощального выдоха, просто замерла на вдохе.

— Пилар...

Лука не мог поверить своим глазам: она лежала у него на руках бездыханная.

Всё внутри разорвалось от горя...

— Нет справедливости. Нет у богов никаких прав быть богами. Зачем предназначена ей эта участь. Я заклинаю самого себя, где бы я ни был, кем бы ни стал, не забуду: нет справедливости. Нет... — с этими словами навсегда душу Луки покинула способность верить в справедливость.

Вспыхнул пунический демон у порога дома Хакима, занялось пламя, поглощая всё вокруг, услышал Хаким дикий крик, полный горя, и долго смотрел, как сгорает его дом.

А наутро средь пепла и обломков нашел проросший маленький росток виноградной лозы.

— Вот ты где, моя неугомонная душа. Что ж, я позабочусь о тебе.

Глава 2

Али и Кантара. Демон жив

745 год н.э.

1

— Что будешь делать с виноградником, Хаким?

Вопрос вывел его из задумчивости. Спросила напористая, любопытная соседка. Не то чтобы ей до всего было дело, но, живя неподалеку, ей волей-неволей приходилось, как она сама говаривала, присматривать за одноким чудаком.

Он жил в скромном доме с небольшим садом недалеко от Бенакана, и во дворе его росла удивительная лоза. Нигде в окрестностях больше не было такой лозы. Несмотря на небольшой размер виноградника, урожай каждый год удивлял соседей. А вкус вина, что получалось, был просто несравненным.

— Я тебя спрашиваю, что будешь делать?

— Ничего не буду делать, дорогая, ничего. Я лишь жду знака.

— Вот дуралей. Строительство вовсю идет. А если крепостные стены через твой двор пойдут? Куда пойдешь, а? Хаким?

— Не волнуйся, всё произойдет так, как должно произойти, — со вздохом ответил Хаким.

Соседка, подперев пышный бок кулаком, только покачала головой, а затем, как бы опомнившись, добавила:

— Вечером приходи на ужин, дети ждут твои сказки, муж будет рад. Придешь?

— Ветер сменился, — ответил Хаким. — Если получится, то приду.

Соседка лишь вздохнула в ответ. Она, как и Хаким, знала, что с переменой ветра приходит смена событий. Меняются судьбы. Горячий африканский ветер несет с собой разрушения и изменения, а легкий весенний — радость и рождение.

Хаким вышел на небольшую узкую улочку, ведущую к морю и петляющую между одноэтажными домами, и направился в противоположную сторону к подножью Бенакана.

Глядя на немного косолапую походку Хакима, соседка проводила его долгим взглядом и, вздохнув, пошла в свой дом.

Странный, тихий человек был ее сосед, ладил с детьми. Откуда он — никто не знал. Часто он собирал на зачате местную детвору и рассказывал ни на что не похожие сказки. Дети любили Хакима и его истории.

Он шел не спеша, вдыхая воздух, полный утренних запахов. Несмотря на то что всё вокруг менялось, воздух этого места продолжал пахнуть морем и свежей сдобы. Ему хотелось взглянуть на масштаб разворачивающегося действия. Стремительно растущая мусульманская медина в некогда маленьком иберийском поселении сметала жалкие ветхие лачуги, вытеснила крошечные стихийные базары и лавочки. Это приводило Хакима в трепетный восторг и вызывало у него тревожные сомнения. Буквально за один год изменилось всё. Прошло четыре года, как большое войско пришло на Пиренейский полуостров. Однако мусульмане, осевшие в Аликанте, столкнулись с уникальным характером местных жителей. Горячие и свободолюбивые, они скорее готовы были стать пиратами, чем подчиняться чужой вере и чужим правилам. Хаким наблюдал за происходящими событиями с неким азартом. Местные правители при-

няли разумное решение, предложив жителям Белого мыса кое-какие налоговые льготы в обмен на спокойствие в портовых зонах. Одновременно с возведением военного укрепления и замка на горе Бенакан вокруг города строили высокие крепостные стены. Хаким видел, что их высота в некоторых местах превышала тридцать шесть локтей или около того. Скоро город будет заключен в равнобедренный треугольник, имеющий свою вершину на самой высокой точке Бенакана и две другие у береговой линии слева и справа.

Пребывая в странном предчувствии, Хаким не находил себе покоя в последние дни. Громкий взглас глашатая взорвался в воздухе, прервав его размышления:

— Дорогу! Дорогу!

Прохожие расступились, прижимаясь к стенам домов.

— Кто там? Кто там? — раздались возгласы. Люди, вытягивая шеи, пытались рассмотреть, кого скрывает богато убранный паланкин.

— Интересно, — насмешливо присвистнул высокий юноша и добавил: — Привет, Хаким!

— И тебе смотреть на всё хорошими глазами, — ответил тот.

— Спорим, сам халиф едет в свой замок!

— Как знать, Али, как знать. Ветер сменился. Смотри в оба. Сам что без дела по улице слоняешься?

— У меня встреча назначена. Тоже в замок иду.

— Осторожно, хоть ты с Халифатом и одной веры, ты не царского полета человек, не натвори бед, мальчик.

— Я лишь хочу получить работу, больше ничего, за этим не последует бед.

Хаким седьмым чувством понимал, что совсем не халиф скрывается за расшитым пологом, но продолжал надеяться, что предчувствия его обманули.

В тот момент, когда процессия поравнялась с Хакимом и Али, ветер усилился, срывая головные уборы с

прохожих, свежим порывом рванул занавесь и открыл на несколько секунд внутреннее пространство паланкина.

2

На Хакима смотрели до боли знакомые глаза, но не узнавали его. Как у восточной красавицы может быть оттенок глаз глубокой морской лазури?

Смахнув морок, хлопнули густые ресницы, и время остановилось, замерли глашатаи и чайки в воздухе, застыли легкие платки, что покрывали головы женщин, замер сам воздух и солнечный свет.

И младшая дочь халифа прекрасная Кантара встретилась взглядом с серыми вихрями надвигающегося шторма.

Через секунду утихший ветер вернул всё на свои места, процессия двинулась вверх по улице к замку, а Али, как замер мгновение назад, так и стоял, глупо улыбаясь.

Хаким, схватив его за плечи и пытаясь заглянуть в глаза, начал трясти:

— Нет, нет, нет. Даже не думай.

Али, покачав головой, засмеялся:

— Да что ты раскудахтался? Кто я и кто она? Для хлопка нужны обе ладони.

Примирительно потрепав Хакима по плечу, бегом припустился в сторону замка.

Хаким, обреченно вздохнув, поднял глаза к небу и произнес:

— Да, обе... Я уже это слышал где-то... Ваша взяла. Закончился мой покой.

Вечером того же дня он сидел на небольшом ковре во внутреннем дворике дома своей соседки и, прихлебывая из глубокой пиалы вино, рассказывал свои истории.

— Славный вечер выдался сегодня. Вы слышите, как прибой говорит с вами? Все слышат прибой, но особо никто не вслушивается. Все вы знаете о святом Николасе?

— Знаем, знаем, — оживились маленькие слушатели.
— Так вот, знал я его когда-то.
— Как же это возможно?
— Не думай об этом, дитя. Представь, что это случилось с моим прапрадуrom.

— А что это — прападуr?
— Очень дальний родственник. Например, прадед прадеда прадеда.

— Ого-о! — загорелись глаза у детворы. Они знали: Хаким всегда рассказывает нечто невероятное.

— Итак, на дворе стоял 354 год от Рождества Христова. Николас де Мира, уроженец Ликии, проснулся однажды в странном просветлении. Он осознал, что несметные богатства более не радуют его. И знаете, что он сделал?

— Что?

Хаким многозначительно обвел взглядом свою преценнную публику:

— Он раздал всё свое золото нуждающимся. Но этого оказалось мало. Он ходил по городам и селам и помогал всем, кому только мог. Сам дьявол подстроил ему ловушку, подослав беса в виде слуги с именем Черный Педро. Но Николас раскусил их коварный замысел и продолжил творить добро. Однажды, говорят, случилось чудо, и он, оплакивая трех невинно убиенных детей, воскресил их. Вы можете в это не верить, но в год, когда я встретил его, от него шел незримый свет.

Николас погиб от рук тех, кто считал его врагом церкви и язычником, 6 декабря 354 года. А через год после этого дети в нашем городе получили дары — они нашли их у дверей и каминов. И так повторялось из года в год. Николас стал добрым духом. Теперь каждый раз в день своей смерти он одаривает детей, а затем садится на корабль и упывает в другие страны, чтобы сделать то же самое.

Он превратился в настоящего святого с добрым намерением и всегда покровительствует морякам, падшим женщинам, беднякам, детям и всем обиженным.

Помните, мои дорогие дети, ведь прямо сейчас многое меняется. В будущем еще больше может измениться, но вера в святого Николаса, приносящего дары в холодную зимнюю ночь, сохранится в ваших сердцах.

— О-о-о, — восхищенно протянули дети и начали просить: — Еще! Еще!

Хаким, отхлебнув из пиалы, лишь лукаво улыбался.

— Да, расскажи еще что-нибудь, — раздался насмешливый голос Али.

— Пожалуй, на сегодня хватит. Вам, дети, пора спать, — Хаким легким жестом дал понять ребятне, что на сегодня действительно всё.

Поднявшись, он сказал Али:

— Что заставило тебя прийти ко мне?

— Я принес подарок. Отец сказал отдать тебе.

Али не без усилий втащил во двор Хакима низкий арабский столик из красного дерева. Искусная резьба удачно подчеркивала изысканность изогнутых коротких ножек.

— Красивый. Почему отдаете?

— Наш дом будет разрушен, мы переезжаем за город, в сторону Молинета. Стена пройдет как раз через квартал, где мы живем. Отец сказал, что не потащит, а ты совсем в пустом доме живешь.

— Спасибо, поможешь затащить его. Ты голоден?

— Не очень. Хотя... что у тебя есть?

Они взялись за столик и не без усилий втащили его в дом. В единственной комнате, служившей Хакиму и спальней, и кухней, совсем не осталось места, как будто подарок стал ее новым хозяином.

— Ты получил работу в замке? — спросил Хаким, с интересом разглядывая столик. Отломив ломоть до-

машнного хлеба, отрезал большой кусок старого овечьего сыра и протянул юноше.

— Ага, — жуя, ответил Али.

— Отцу сказал?

— Нет еще, сейчас пойду домой и расскажу.

— Хорошо, передай ему от меня поклон. Ну и как она?

— Это свет, затмевающий звезды, — начал Али и, спохватившись, поперхнулся. — В смысле? Кто она?

— Да никто. Я услышал всё, что мне надо. Что будешь делать в замке?

— Я предложил свою помощь в доставке воды. Случайно увидел разрушенные желобки, по которым раньше шла вода. Решил, что можно восстановить канаву от Тиби до города.

— Акведуки, — с усталым вздохом поправил Хаким.

— Что? — недоуменно переспросил Али.

— Акведуки. Не желобки. Римляне строили.

— Понял.

Они помолчали.

— Держись от Кантары подальше, — посоветовал Хаким. — Возможно, я слишком стар и надумываю лишнее, но так лучше для нее.

— Да я и не смотрел в ее сторону. Ты старый и ворчливый. Всё, я пошел. До скорого!

Хлопнула дверь, Хаким посмотрел в окно. В закатных лучах ему почудилось, что в саду что-то светится. Быстро выйдя во двор, он не увидел ничего странного. Может, и показалось.

А может, и нет.

Конечно, халиф души не чаял в младшей дочери Кантаре. В этих омываемых морем землях ее красота не имела себе равных. Белоснежная кожа, миндалевидные

глаза цвета теплой лазури и длинные шелковистые волосы. Вся она была утонченной, как будто пришедшей из другого времени.

Такая красота притягивала к ней молодых дворян со всех концов полуострова.

Отец уже выбрал своей дочери в мужья богатого уважаемого человека Альманзора. Правда, к богатству прилагался возраст. Подумаешь, жених старше невесты на сорок два года. В конце концов, не суп же из него вырить? И всё бы вышло как нельзя лучше, если бы не злосчастный порыв ветра и злой рок.

Итак, Кантара весь день и всю ночь думала об Али.

Наутро отец сообщил дочери о своем решении. Состоится ее свадьба с почтенным человеком. Еще не осознавая своих чувств, Кантара неожиданно для отца побледнела и сказала твердое «нет». Халиф был человеком добрым и мудрым, поэтому решил дать ей время и отправил Альманзора с флотом кораблей за границу — привезти пряности и шелка, которые порадуют принцессу.

Али обещал восстановить акведуки, которые принесли бы воду от Тиби до белого берега.

Несмотря на слова, что ему нет дела до принцессы, Али использовал любой случай, чтобы увидеть ее хоть одним глазком. Она часто присутствовала на вечерних встречах халифа с подданными. Али приходил с докладом о том, как продвигаются дела. Он говорил четко, лаконично и однажды, заметив, как Кантара выглядывает из-за тяжелой портьеры, отделяющей общий зал от коридора, ведущего в покой халифа, подмигнул ей с нарочито разоружающей и покоряющей улыбкой. Ну кто мог устоять против такого взгляда? Можно сказать, что в этом взоре была доля вероломства, но Али не думал об этом — мистическая сила притягивала их друг к другу. Сопротивляться не было сил.